

ЭЛИЙ БЕЛЮТИН

МАРТ ПЕРВЫЙ – ФЕВРАЛЬ ПОСЛЕДНИЙ

СТИХИ

МОСКВА, 2012

«Новая реальность»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я слушал как она говорит о революции и идеях авангарда? За ее плечом «Магдалина» Тициана, растерянная и одновременно устремленная к Богу. В голосе нет ни капли сомнения – революция и авангард всегда вместе: Франция, Германия, Россия. Одно всегда поддерживает другое и всегда и непременно преследуется властью. И дело не в идеях, а в людях, их желании видеть все по-своему, остро и активно оценивать жизнь и действительность. И мне кажется, она хочет убедить не меня – великих художников, глядящих на нас со всех стен.

Мы живем вместе уже много лет, и наши беседы не всегда полны высоких идей. Слишком сложно время, которое нам отведено. Но все эти годы именно Она – Женщина в самых невероятных поворотах силой воли, мужества, таланта вела нашу барку по всем ухабам нашей невероятной действительности. И об этом чуде XX века я и хочу рассказать. Ибо нет ей равной по способности жить – не выживать, ни по работоспособности и мужеству все переносить, ни по результатам жизнедеятельности. И имя этой женщины – Нина Молева.

Оказавшись в Америке только в шестьдесят лет по причинам несогласия с партией, которая тогда управляла страной, ни с госбезопасностью, которая теперь громит великую державу, я был поражен не количеством нищих, не наглостью богатых – я привык, что и в СССР власть себе ни в чем не отказывает, – но одной машиной. Машиной по утилизации бурелома. Трухлявые пни, коряги, уродливые сучья, сухостой – в нее попадало все и превращалось в то, что могло служить удобрением для новой жизни. Я смотрел и думал о Женщине, о ее

мудрости, что живя со мной, который все время сталкивался с невысказанными для человека трудностями и переживаниями, она умела все превратить в шутку, в теплый дождь, застающий тебя врасплох летом.

Недавно на ее именинах, одна милая женщина меня спросила, как мы познакомились. Все разговоры замолкли, слушая, что я скажу. Я решил отшутиться, а потом сказал, что причиной нашего знакомства была борьба партии с формализмом, а не какая-то любовь. Это, конечно, неверно. Девушка, посещавшая научный зал Исторической библиотеки, обладала шармом, не случайно все читатели провожали ее взглядами. Какое-то внутреннее доверие, какое-то чувство близости сразу возникло между нами. И. Стравинский, и С. Прокофьев, композиторы-«формалисты», только соединяли нас, соединили надолго, а может быть, и навсегда. Аплодисментов не было, но могли бы быть. Любовью к Женщине дышал праздничный, уставленный винами и закусками стол.

Она родилась в Москве, в Замоскворечье, в семье бывшего царского генерала, у матери-инженера и отца-электрика и тоже инженера.

Ее дедом был замечательный писатель, которого не печатали всю жизнь, «русский Кафка» - Сигизмунд Кржижановский. С детства ей знакомы французский, немецкий, польский языки. Она занималась музыкой у гениального педагога Григория Прокофьева, училась художественному слову у талантливой ученицы Вахтангова Анны Бовшек. В 13 лет стала главным пионером города, а в 14 выступала на XVIII партсъезде в Кремле. С начала войны она, девчонка, на фронте, в артистической бригаде. Затем Щепкинское училище и одновременно университет – искусствоведческое отделение. Первые публикации, Ломоносовская стипендия, диплом, который похвалил Игорь Грабарь и, наконец, аспирантура. И все, что она ни делала, она делала с полной самоотдачей.

А затем последовали постановления партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» с погромом Зощенко и Ахматовой, о музыке – с погромом Прокофьева и Шостаковича, о формализме в живописи, и ей, аспирантке МГУ, всю жизнь верившей в справедливость и разумность идей социализма, пришлось выбирать – стать палачом родной культуры или

бороться с палачами за ее жизнь. И Нина Молева, естественно, выбрала то единственное, что было присуще ей как гражданину своей страны, как талантливому человеку, верящему в свой народ и идеи социализма. И этой борьбе она посвятила всю свою жизнь – во всех ее книгах – а их больше восьмидесяти – в сотнях статей, в своих театральных спектаклях – везде она обращалась к человеку, к его совести, к его нравственному потенциалу, призывая его быть Человеком, бороться с теми, кто калечит народ, оглуляет его, с тем чтобы легче им управлять, губя его таланты, убивая его замечательную душу. Она создала новый театр – театр сценического рассказа, где вместе со своими однокурсниками по Щепкинскому училищу рассказывала о драматических судьбах героев родной истории, где была музыка, превосходная актерская игра, где были новаторские режиссерские решения. Все это она отдала людям, задавая единственный вопрос: люди, с кем вы – с палачами ли с народом? Двадцать лет она на театральных площадках Москвы и Ленинграда звала людей к правде, к самостоятельной оценке того, что происходит вокруг.

Ее запрещали, в печати не упоминали об этих вечерах, но она по-прежнему их творила. Как глашатай совести, она искусством обращалась к своим коллегам-искусствоведам в своих статьях и книгах, спрашивая их, зачем они поддерживают чуждое русской культуре искусство, зачем замалчивают подлинный русский авангард, который создал все мировое искусство XX века, зачем пропагандируют салонное искусство мещан или Америки, чем губят свою культуру, убивают ее ментальность, ее способность жить интересами своего времени и своего народа.

И мужественно говоря об этом в книгах и статьях, Нина Молева стала знаменем своего поколения, символом чистоты и веры в человека и человеческое достоинство. И поэтому, и еще за многое другое я посвящаю ей эту книгу и говорю, что люблю ее как Женщину с большой буквы, Товарища, Соратника, как Женщину XXI века.

Кроха!

Единственная моя!

Я все время твердил, что напишу
книгу о тебе, только о тебе.

Сегодня понимаю:

не получилось

и не могло получиться.

Ты все время была в движении.

Все наши годы ты была
моим мотором.

Без дня передышки.

И ты была моим

ничем не заслуженным чудом.

Ты не замечала

моих истерик, глупостей, капризов,
словно видела завтрашний день
поверх них, в масштабе,

который определило твое сердце,
твои знания, твое прозрение
в будущее искусства.
Всю жизнь я ревновал тебя,
до бешенства, до идиотизма
к тому Художнику,
которого ты определила для себя,
И ничто не заставило тебя
опустить эту головокружительную планку.
За нашими плечами оказалось
60 лет,
которых я никогда
не пожелал бы собственной дочери,
просто любой женщине.
Вечерами я смотрю,
как ты все также кончаешь день
за машинкой.

Твои маленькие сильные руки
скользят над клавишами,
и кружок света
выхватывает из темноты
высокий чистый лоб,
нетронутый временем овал лица,
такой великолепный изгиб спины...
Вместо той давней книги
я хочу, чтобы
увидел свет мой сборник,
в который ты, может быть,
вставишь, пусть самые скупые,
кусочки
твоей благоухающей прозы...
Для нас, единственная моя.

1948-49 годы – последний курс аспирантуры. О будущем думать не хотелось. Оно предопределялось занятиями Чистяковым. Меня, как лучшего академического рисовальщика, намеревался оставить преподавать профессор Соловьев. Прошла моя вторая персональная выставка в Академии архитектуры – разговоры о переходе туда тоже шли. В чем-то они представлялись даже интересней: Академия давала большую свободу в живописи, которая ее, по регламенту, не касалась, многочисленных выездов под предлогом изучения и описания памятников деревянной архитектуры. Техник обмеров и оформления регистрирующих материалов я как-то быстро овладел, скорее всего потому, что в основе их лежал здравый смысл, а не ловля идеологических колебаний. По-настоящему я ни над чем не задумывался.

Лето 1948-го – сказочное лето в Галиче. Вся аспирантская группа под руководством Льва Александровича Бруни. Нам предоставили места в каком-то подчинявшемся Москве доме отдыха. У Льва Александровича с его супругой Ниной Константиновной Бальмонт вообще была отдельная

комната. Было заметно, что он плохо себя чувствует, позже остальных выходит к завтраку, ест неохотно, часто во время разговора прикрывает глаза и тут же спохватывается своего недомогания. Шепотом говорили о последствиях тяжелой дистрофии.

На время нашей практики пришелся день рождения профессора. О подарках говорить не приходилось, и мы, встав, где-то в 5 утра набрали огромный, в целое ведро, букет полевых цветов и к моменту его вставания поставили у дверей его комнаты. Это невозможно забыть: открыв дверь, он стоял в море цветов и плакал. Беззвучные слезы текли по его лицу, и он даже не пытался улыбнуться.

Нина Константиновна пару раз спросила меня, как старосту аспирантской мастерской, будет ли Лев Александрович преподавать у нас в будущем учебном году – это единственная его работа и возможность получения необходимой справки о «трудозанятости», которую надо было представлять в домоуправление ежемесячно. Я не сомневался.

Отъезд был очень сложным. Вагоны осаждали сотни перегружен-

ных мешками и баулами по-настоящему разъяренных людей. С трудом удалось пробиться с Ниной Константиновной к начальнику станции, который смилостивился над ней и Львом Александровичем, увидев медаль «Матери-героини». У супругов было, кажется, шестеро детей. Всем аспирантам пришлось разделить участь толпы, лезть через окна, устраиваться на багажных полках и просто на полу под полками, вспоминая удобства военных эшелонов. Супругов удалось силовыми приемами устроить сидеть на боковых полках.

На узловой вдоль нашего состава стоял состав из скотских вагонов, обмотанных колючей проволокой. Ревела скотина, плакали дети. В окошках мелькали казавшиеся черными лица. В нашем вагоне раздался шепот: депортация, выселяют чеченцев, который день без воды. Вдоль путей стояли бойцы невидимого фронта с винтовками: не подходить! Не переговариваться! И какие-то совершенно детские глаза Льва Александровича: но чем же дети виноваты и скотина? Все молчали. Вырваться из нашего вагона тоже было невозможно.

Но мы просто не поняли, что время благодушия истекло. Одно за другим, начиная с августа, выходили идиотские, но не оставлявшие выхода постановления по кино, театру, музыке. Они охватывали историю, литературу, замахивались на каждую возможность действий вне их регламента.

Для меня оставалось непонятным, зачем вторгаться в каждый уголок мозга, человеческих ощущений. Льву Александровичу тянуло с оплатой практики, на мои вопросы бухгалтерия отвечала неизменным «ждите», а в семье буквально денег не было на хлеб. От разговора о продлении договора с Львом Александровичем зам.директора по учебной части уклонился. Кругом шел шепоток о переменах. Комната, служившая аспирантской мастерской, имела два ключа, один был у меня, другой у коменданта. Теперь мне предложили вернуть ключ, потому что мастерская перестала закрываться. Ее «уплотнили» какой-то «лаборанткой» из спецчасти со всеми письменными принадлежностями и мебелью. «Лаборантка» твердо высидивала целые дни,

оставляя к тому же дверь в коридор открытой. Для того, чтобы работать с обнаженной натуры пришлось приспособить какую-то ткань – занавеску. Раз за разом к «лаборантке» заходили посетители, велись разговоры, несмотря на идущие занятия.

Объяснение надвигающихся перемен ждать пришлось недолго. Все разъяснило общемосковское собрание художественной интеллигенции, где в качестве истолкователей высшей воли выступил академик-секретарь только что образованной Академии художеств, некий Сысоев. Местом встречи был назначен Камерный театр, и это было воспринято всеми, как знак беды: все знали, что он подлежит закрытию.

Собирались дружно и молча, неслышно вливаясь в двери театра. Сразу делились на кучки по профессиям: там композиторы, там актеры, там художники. Здоровались как-то неохотно, в разговоры не вступали. Мы, аспиранты, устроились тоже все вместе, подальше от сцены, где в темных сукнах был почти незаметен маленький человечек с прилизанными волосами, начавший бубнить какую-то невнятную ахинею. Шепотом

пошли шуточки, ведь лично нас, еще не вступивших в профессию, здесь не могло что-то всерьез касаться. Но в какой-то момент прозвучала фамилия БЕЛЮТИН.

В чем дело? Оказывается, именно он создал в художественной жизни Москвы гнездо формализма и космополитизма... пригласив в качестве руководителей Аристарха Лентулова, Павла Кузнецова и Льва Бруни, предоставив им почву для их давно осужденных и ненужных советским трудящимся художественных идей.

Абсурдом было все. Староста аспирантской мастерской мог поехать с приглашением к маститым мастерам, но провести и утвердить их могли только кафедра, деканат, дирекция и главное – спецчасть. Но и они в свою очередь, утвердили профессоров на почасовую оплату, нищенскую и так и оставшуюся невыплаченной. Но главное – АРИСТАРХ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕ ПРЕПОДАВАЛ И НЕ МОГ ПРЕПОДАВАТЬ В МАСТЕРСКОЙ: он ушел из жизни пятью годами раньше. Тот же промах повторит через десять с лишним лет Хрущев в Манеже, предло-

жив умершему Фальку и расстрелянному Древину выметаться из Советского Союза, предложив покойным даже деньги на билет за границу.

Но когда я пришел в себя от неожиданности, оказалось, что места вокруг меня опустели. Мои товарищи вплоть до милейшей Вали Колошко попросту испарились. В свою очередь ушел и я, мимо опустевших кресел. На улице было промозгло. Дул сильный ветер. Сухая листва неслась по бульвару. И вдруг я физически ощутил: начинается одиночество.

Чуть не на следующий день узнал, что моя отчетная аспирантская картина, уже принятая ученым советом, отвергнута, но временно не будет возвращена – «Смерть командира». Осмотрительный директора не стал меня отчислять (опять-таки недавний фронтовик, еще не сменивший армейской формы!). По решению ученого совета мне было предложено завершить аспирантуру диссертацией о Чистякове, а меня самого подвергнуть перевоспитанию. Я должен был начать исправляться и в доказательство этого ежемесячно представлять на кафедру живописи свои текущие этюды. В конце семестра уже уче-

ному совету предлагалось выносить вердикт: отчислять меня или оставлять.

В таком состоянии я начал ходить в Историческую библиотеку у Ивановского монастыря. Как аспирант, я имел право на особый зал, так называемый Всеобщей истории, где можно было целыми днями смотреть древнерусскую литературу, которой я увлекался, читать «Четьи Минеи» Макария и наслаждаться западной живописью – на эту нашу тихую заводь не распространялся запрет на импрессионистов, кубистов, модернистов, думаю, потому что никто «наверху» не предполагал, что они там могут скрываться.

Мне понадобилось достаточно много времени, чтобы понять, что аспирантская мастерская с двумя пожилыми, подкошенными дистрофией профессорами, давно вычеркнутыми из жизни творческого союза, была не причем. И мастерская, и мое имя появились из-за творческой студии, которую я со времен своего диплома вел в Московском Товариществе Художников. Ко времени сыроевского «разъяснения» она насчитывала более ста участников или четырех занимавшихся групп. Все дело

заклучалось в Павле Петровиче Чистякове. Он был дан мне в качестве одной из тем аспирантского минимума, я же увлекся его совершенно, на первый взгляд, безалаберными записями – кое-где и кое-как, которые начали складываться в стройную систему, выражавшую существо развития русского изобразительного искусства.

Пока дело касалось отдельных упражнений, все обстояло нормально, но подлинная суть размышлений этого талантливейшего русского гегельянца вела к пониманию творческого процесса как основной функции, данной человеку в отличие от других живых существ в природе. Или человек творит «нечто новое», по его выражению, либо скатывается на уровень животного со всеми соответствующими инстинктами и отсутствием десяти заповедей, которые проповедует каждая религия, чтобы удержать человека в рамках человечности.

В свою очередь, творчество становилось возможным лишь при внутренней освобожденности человека. Именно эта скрытая опасность и заставляла наших «идеологов» бросаться с секирами и мотыгами на

каждое возможное или даже только предполагаемое ее проявление. В студии МТХ все было слишком очевидно, как и мотор начавшегося процесса – Белютин, сколько бы лет опыта у него ни было. Студию МТХ, как единственное место работы и поля для опытов, у меня еще не отняли, но к этому все шло, и Павел Варфоломеевич Кузнецов уже готовил мне путь отступления в Ленинград, к Альтману, который был готов меня приютить.

И вот в водовороте всех этих мыслей я как-то неожиданно для себя увидел в читальном зале новое лицо. Невысокая, удивительно пластичная, двигавшаяся какой-то летящей походкой девушка с огромными пепельными косами, еле удерживавшимися на затылке и такими же необъяснимо большими серо-голубыми глазами. Для библиотекаршей она была старой знакомой. Ее приветствовали с явной симпатией, но и, или мне так казалось, почтительностью. Ее появление у кафедры собирало всю смену библиотекарей, достаточно сухих и сдержанных старых дев. Незнакомку ждали стопки книг. У нее было, по-видимому,

свое место – в конце ряда столиков у стены. Она как-то сходу погружалась в свою кипу, а библиотекариши – вещь неслыханная – время от времени сами приносили ей все новые и новые экземпляры.

Узнать, что это аспирантка МГУ, Ломоносовский стипендиат, ничего не стоило, но дальше стояла стена. Знакомства в библиотеке заводятся, насколько я понял, от скуки, но незнакомка явно ценила каждую рабочую минуту. В этом было что-то от Золушки на балу: она приходила по какому-то очень точному расписанию, в зависимости от дней недели, и главное – минута в минуту уходила, нигде не задерживаясь. Она жила в своем измерении, которое оставалось ее защитной стеной от окружающего. Пару раз я вышел за ней из зала. Иногда она заходила в Отдел редкой книги, иногда в газетный зал, но чаще буквально слетала по широкой лестнице в гардероб. От предложения помочь ей донести книги она отказалась. За поднятую шерстяную косынку явно прошлого века поблагодарила полуулыбкой. У нее не было ни тени кокетства... ни капли макияжа, даже пудры, не говоря о губной помаде.

В конце концов, я подошел к ней в зале с только что вышедшей в «Новом мире» статьей Сергея Образцова об условности в искусстве. Она с интересом взяла журнал и тут же принялась его перелистывать, позже сама предложила его обсудить. Она сказала о поверхностности суждений артиста, но и о самом факте – отрадном! – что статья напечатана. Наш разговор об искусстве как-то незаметно перешел на гегельянство, в котором она свободно разбиралась, и на систему Чистякова – мой конек, которым она явно заинтересовалась. Разговор прервал взгляд на часы: Золушке было пора исчезать. На прощание она сказала: «Мы не познакомились. Нина Молева». – «Элий Белютин». Все остальное могут досказывать мои письма, которые я решил напечатать к 60-летию нашего союза.

Спустя все эти прошедшие десятилетия мое восхищение и уважение перед ее душевной и внешней красотой, благородством, самоотверженностью и чистотой остались теми же. Нури, как звали ее в своем кругу, ни в чем не изменилась.

1949. МАРТ

Возлюбленная!

Я поднимаюсь вместе с этим листком к потолку.
Твое лицо в машине и моя неоконченная истерика – как
хорошо, что именно все так было, я рад за
наши сердца, слова остались
в стороне.
Возлюбленная, я знаю, что
сердце сейчас тебе
говорит об этом, я знаю,
что ты сейчас можешь
смеяться, как и я.
Я молю Бога об утре,
когда я увижу себя в тебе,
знаю, какая ты будешь в это солнечное
утро. Завтра мы будем другие, чем
несколько дней назад и

небо не будет для тебя
холодным. О каком одиночестве
говорить, когда мы можем
вместить в себя Троицу.
Милая, я сегодня хочу
просто сказать – я люблю тебя.
Мне не нужно
никаких длинных фраз,
Я чувствую уже не костер,
а пожар, как солнце, разве можно залить его.
Я даже не хочу видеть тебя
сейчас, настолько ты наполняешь меня...
Я горд нами и захлебываюсь
от щенячьего восторга,
что готов носиться по
этому полутемному залу
и выть, опрокидывая лампы,

о счастье.
Ты знаешь, я сейчас чувствую размеры
наших сердец, я чувствую,
как мы можем сделать
с тобой все, что должны.
Милая, я не могу сказать здесь,
эти пустые страницы.
Это настолько светло
и огромно, что меня
выносит в окно от
одной только мысли,
как это необъяснимо
солнечно, что мы любим
друг друга, что каждый
твой взгляд кажется мне
взглядом твоего
сердца. Я весь сейчас в лучах

любви, и ведь днем
тучи цеплялись за крыши.
И даже рад, что ничего
не могу сказать листами.
Я просто трус о них
своим сердцем, пронзительно
воя, любимая.

Милая!
Я вчера свое сердце
перепутал с этой запиской.
Ведь я только терся о нее,
но не мог ничего написать
только потому, что было
все слишком большим.

Секунда от секунды все больше
неба в нашем сердце.

Я весь в мечтах о нашей
любви.

Возлюбленная, я бесконечно рад
той тяжести, которая давила
нас эти несколько секунд.

Я рад потому, что в потоках
умных и глупых слов –
мы слишком любимы.

И я чувствую, как мы
стали сильнее, милая,
что те горы, о которых
мы говорили, теперь
совсем рядом.

Возлюбленная, я вижу, как
краснеет мое зеленое

сердце, я вижу наши
сердца среди лучей нашей
жизни...

Эти строчки прочтешь ты
глазами, а те пальцы, которые
мне не дают спать по ночам,
когда я их бесконечно целую,
эти пальцы после листов,
может быть, коснутся твоих щек.
Нури, Нури, - я готов забраться
на небо и из звезд составить
твое имя, ведь мы уже
стоим в начале своей дороги
и не показываем на нее пальцами.
Милая, когда мы будем
вместе, ты позволишь мне
запутаться в твоих волосах,
как сегодняшнему снегирю.
Я захлебываюсь в небе
нашей любви.

Я боюсь моего сердца, которое
рвется к тебе.
Я боюсь слов, которые коверкая
смысл моих чувств, шевелятся здесь.
Я боюсь этих листов, белых
и ненужных, которые не в силах вынести мою
солнечную любовь к тебе.
Хочешь, я буду целовать твои
волосы, один за одним сотни лет,
деревья будут стариться и умирать,
века будут шелестеть вместе с листьями...
Хочешь, я подарю тебе звезду,
ты положишь ее себе на грудь,
и мы поплывем среди синих облаков.
Хочешь, я отдам тебе свою любовь, мы будем есть, работать
и жить, как все люди, у которых
вместо голов – звезды.

Неужели ты хочешь, чтобы я говорил тебе
об озерах твоих глаз, которые не
исчерпаешь миллионами поцелуев.

Или о мягкости щек, к
которым боятся прикоснуться
мои губы.

Или о твоих волосах, в которых
я днем и ночью мечтаю потерять
свою голову.

Неужели ты хочешь, чтобы я говорил
об этом?

Ты появляешься каждую секунду
в моем сердце,
как невидимо для простого глаза
растет весенний цветок,
так ты растешь в моем чувстве,
и я не могу уже дышать.

Я полон мукой полноты тобой.
Смотри, как бегут по моим щекам
твои поцелуи.

Твои губы – берега моей любви:

Прикоснись ко мне.

Твои глаза – как небо:

сделай меня маленькой звездой.

Твои волосы – как руки:

обними меня.

Может быть, теперь ты пойдешь со
мною по улице, среди домов,
И обернув лицо, подаришь мне
взгляд твоих ресниц.

Слышишь, как пахнут еще полные
почки.

Ведь ты мне сказала все своими
застывшими губами,

А я ведь прикоснулся к
ним.

■

Милая, я жду тебя целый день
на камнях у твоего порога.
Почему не выходишь ты!
Я смотрю на лиловый асфальт
и машины... Уже зажглись фонари
и твое окно,
но не выходишь ты.

■

Я не хотел беспокоить тебя.
Я только стоял у стены твоего
дома.
Плыли облака в небе, и голуби
сверкали в солнце.
Я не хотел беспокоить тебя,
я только поцеловал твою стену.

■

Скажи, отчего я иду по твоей
улице, не замечая ничего,
и моя душа летит где-то
над моей головой в зеленом
небе.

Отчего твои глаза, когда
смотрят на меня, полны
сини и волосы солнечными
лучами колышатся над ними.
Скажи, отчего с ночи до утра
и с утра до ночи я только
и слышу их свет, только
и вижу поцелуи твоих волос.

■

Я обижаю тебя день ото дня.
Я жалок, зол и несчастен.
Все разрывается во мне, не находя выхода, я провожу
целые часы, дни в бессмысленной
тоске, которая делает меня
раздражительным и гнусным.
Милая, и ты должна сердиться
на меня. Ветер смешал
дивные облака
и вот уже нет их очарования,
но они все те же...
Земля опилась воды, разбухла.
Она довольна. Скоро заставит
покрыться зеленью все вокруг.
Станет петь. Синь по утрам в открытом окне
будет кричать зеленым веткам
с веселыми воробьями.

■

Я, как травинка, смотрю
в твои лучи и оживаю
секунда от секунды,
а ночью ты звездой
стоишь у моей головы.
Я робко прижимаюсь к
подушке, я не смею взглянуть
на тебя, милая.

Я боюсь своей любви
и своего зеленого сердца.

■

Что ты? Я просто счастлив,
и то маленькое облачно, что
омрачило тебя, - мое утро,
ведь уже ушло.

Я весь в тебе и пыли тоже
уже не может быть, она
смыта нашими поцелуями.
Милая, я хочу разлиться
по листу всей моей облачной
нежностью к тебе,
пробраться в твои глаза
вместе с буквами, коснуться
твоих пальцев этими
губами строк.

Положить голову на твои
колени и смотреть вверх в
твои глаза... Я буду видеть

твои волосы, вокруг твоего
лба, шелест твоих ресниц
будет наполнять мое сердце.
И еще я буду видеть
твою грудь у твоих губ.
Ведь мне хочется обнять
тебя и остаться так...
Видишь, сплошной сон.
Только так я хочу быть твоим, чтобы все мои мысли,
мои глаза и руки, мое
тело было твоим, чтобы
та работа, которой мы будем
с тобой дышать, была нашим
общим сердцем, и наша любовь
двигала нас в небо.
Возлюбленная, если бы ты знала, как я
хочу сейчас быть в твоих губах.

В мисе любви чужо нет никаких
смыслов. А знаю я, и знаю ты,
что одно тебе нечужо больше, чем
то, что называется любовью.
Любовь может быть, без любви
в определенных сроках совершаются
брак, заключают договоры, покупают,
и вот наконец кричат, или
уже скрывают без желания коммю
и криков, рывков, копыт в гравии,
ветер гонимый, до зари, чинные
ураганы - врозь электрические
лампочки, кобылы без горюхи
и вот черным светом ушло любви.
А не чертотаво тебе любви -
лучше она тебе, а не чертотаво тебе
даже определенной, чинной
электрической лампы, а знаю,
что тебе она не нужна. А
просто одно тебе свое нужно.
Может быть, это лучше всего
нравно, но это именно так. А
одно тебе свое нужно, так как
знаю, что она нужна нам всем,
и я знаю, что и ты ~~сделала~~^{сделала}
тоже.

В моей любви уже нет никаких сомнений. Я знаю это и знаю то, что отдаю тебе нечто большее, чем то, что называется любовью. Любить могут все, все любят и в определенные сроки совершаются браки, заводятся детские коляски и дом наполняется криками, или же обходятся без детских колясок и криков, работают, ходят в театры, ведут длинные, до зевоты, умные разговоры, вроде электрической лампочки, которая все горит и горит желтым цветом умной любви. Я не предлагаю тебе любви, - зачем она тебе. Я не предлагаю тебе даже огромной невысказанной

электрической лампы. Я знаю, что тебе она не нужна. Я просто отдаю тебе свою жизнь. Может быть, это звучит высокопарно, но это именно так. Отдаю тебе свою жизнь, так как знаю, что она нужнее нам двоим, и я знаю, что и ты сделаешь тоже.

Вчера действительно что-то случилось. ■
Ночью я проснулся от того,
 что стал
подниматься к потолку от счастья.
Как мне хотелось видеть твои
губы рядом, Милая, а руки твои у моих щек...
Сейчас каждая секунда моих часов превращает час в столетие, и я
жду тебя бесконечно. Перепрыгивая
через лужу, ты сказала мне о
страшном небе, неужели ты думаешь, что звездам там страшно,
ведь только люди боятся высоты и одиночества там, внизу, ведь теплая
теплая кровать, чай и кружева на окнах.
Я думаю: небо такое же над Нури,
как и надо мной, и эти облака,
наверное, идут к ней, - куда же им идти. И я кладу в каждое из них
свои поцелуи. Разреши хоть одному
коснуться твоих губ.

■
Милая, я ждал, когда стрелки,
как мы, соединятся в одну, но
не твой голос сказал, что ты ушла.
На улице таял снег, и мне стало
грустно – ведь я хотел сравнить
свои грезы со снежинками...
Потом я вернулся к своим
листам и сидел пустой
и серый. Кто-то уронил
книги, я поднял голову и
увидел в окне – крыши,
полные моих мечтаний, и ветки
в снегу. Я засмеялся.
Ведь мои грезы о тебе не могли
попасть на улицу. И вдруг
мне показалось, что ближайшая к окну расцвела листьями
и цветами, Милая!

Я все время с тобой. Я вижу твои
губы и твои глаза. Весь мой день и ночь
состоят из счастливых грез о тебе.
Ощущение твоей близости заставляет
метаться мое сердце.
Сегодня снег на улице был моей чистотой
к тебе, я шел, скрытый от людей, и
целовал твои вымечтанные руки.
Я готов валяться по полу или
биться головой о стену от муки
моей любви. Я болен тобою.
Я задыхаюсь от одной
только мысли увидеть тебя. Ты вся
для меня как мечта, которую нашел
человек после 1000 лет поисков.
Куда ее деть?? – Можно только
разорвать грудь и положить в сердце.

Милая, как мне хочется склониться
над твоим лицом, ощущать твое тело
на своих руках и целовать тебя
бесконечно долго...
Возлюбленная, моя любовь растекается
не этими строчками, здесь мои бессонные
часы ожидания твоих рук и глаз, здесь
мое сердце, способное ради тебя
остановить землю!

Я мечтал о них,
о твоих руках, валяясь
вчера около телефона.
Потом мне казалось, что
ты сидишь рядом. Целую
ночь я только видел
твои глаза и тебя,
Нури. Это проклятая бумага не выносит моего
мычания. Что я могу делать с ней, когда прошу
ее передать о моем счастье
касаться твоей руки, видеть,
как колышатся твои
волосы у моих глаз и
твои губы... Твои губы...
иногда они заполняют все
небо надо мной, и я дрожа,
касаюсь их края своими губами.

Я, наверное, наивен до
предела, но я ношу с собой
все твои круглые строчки,
как ту икону, которую
ты держала в своих ладонях.
Они превращаются в твой
талисман, и я прикладываю их к своему сердцу,
когда ему слишком тяжело
без тебя.
Мои губы мечтают о тебе,
что могу я сделать с
ними, они плачут поцелуями,
а ты водишь пером по
бумаге...

■

Когда мы возьмем друг друга
за руки, и наша кровь будет
общей, нашей кровью, и вместо
двух сердец будет одно сердце...

Тогда мы пойдем с тобой
и только будем
улыбаться этим потокам
мерзости, которые где-то внизу
выпускают болота,
лопающиеся от ненависти
к нашей человеческой любви.

■

Для меня все это пыль, но
она попадает в твои глаза, в
мое сердце. Возлюбленная,
неужели пыль
может сделать
что-нибудь с солнцем.
Я просто счастлив, думая каждую
секунду о тебе.
Тыходишь в мою жизнь,
как вечная весна.
Милая, ведь это слизь на земле, какое нам до нее
дело. Нам просто нужно
ходить с нашей любовью
по горам и не спускаться в эти болотные долины.
Мы страдаем, поэтому
что идем одни, и
все время отступаемся.

Лучше солнца
греют эти буквы,
а я сегодня и печален.

Твое обещание как то облако, помнишь, из
пара, мелькнуло и растаяло.

А я повешен в
прозрачном небе своих мечтаний
и не знаю, где искать тебя.

Моя любовь к тебе необъятна –
у нее нет границ и
нет сравнений.

Но она все в
моем человеческом сердце.
Приложи свою нежную руку,
ты увидишь, как вырывается
оно... мучительно бьется, оно.

Как трудно ему.
Только твои руки
смогут удержать его.
Твои руки, как поцелуи
успокоят.
И эти строчки только для твоего
сердца. Я хочу разлиться по
листу бумаги всей моей
облачной нежностью к тебе.
Я хочу пробраться в твои
глаза вместе с буквами и
спрятаться в уголках
твоих розовых губ, скользить
по твоим щекам.
Я, как травинка, смотрящая
в твои лучи
и я все оживаю

секунда от секунды...

Милая, я ничего не

могу выразить

этими бессмысленными буквами.

А ночью ты, как звезда, стоишь

у моей головы, я робко прижимаюсь

к подушке, я не смею взглянуть

на тебя, милая.

Я боюсь своей любви, и

своего зеленого сердца.

Милая, ничего не случилось. ■

Просто мне показалось.

Ты была моим ясным

утром и вдруг набежало

облачно, и я испугался.

Милая,

К черту эти рифмованные

строчки. Нури, как я хочу твоих щек и волос,

как я хочу обнимать тебя

своими поцелуями.

Что ты, я просто счастлив, и то

маленькое облако, которое опрокинуло

тебя, - мое утро, милая,

просто ушло.

Я весь в тебе, и эти строчки только для

твоих глаз, чтобы они смотрели

на мою любовь
к тебе, забравшуюся в них.
И были бы такими же,
как деревья, трава, как солнце.
Милая, я весь в своем чувстве
к тебе, оно словно океан топит во мне все лишнее
и ненужное – и остаются
лишь вершины гор и
небо с облаками, бегущими
к тебе.
Что я могу тебе сказать
о нем, оно необъятно для
меня, в нем все – и
мое искусство, и моя жизнь.
Хочешь, возьмемся за руки и побежим к
солнцу, оставив людей заниматься
обедом.

Ты догадайся только на
секунду о моей любви к
тебе. Это не род поэзии,
той, о которой говорят, закатывая
глаза. Это просто небо
и просто мое сердце, полное
крови и мыслей, которые
выскакивают из него.
Я только в начале своей любви, как первый
лепесток распустилась она,
но ведь отсюда должна в
вырасти ветвь, полная цветов и воздуха.
Я не могу, чтобы мы получали
пороки сердца от своей любви, я хочу, чтоб оно
билося ровно и весело,
чтоб мы смеялись и
просто жили.

Где ты, я иду, раздвигая дома.
Я шагаю по горам, я щупаю
каждое облако.
Где ты, травинки шепчут мне о тебе,
листья ждут тебя,
а Сириуса нет в небе...
Приди ко мне, возлюбленная моя,
не заставляй ждать меня на
холодных камнях моих сомнений.
Смотри, как горю я, зажженный
твоими глазами,
уста мои полны жаждой,
объятья мои томятся тобой.
Войди в мой сад, дверь
у ног твоих и дорожка
выткана из облаков любви
моего сердца.

Руки твои закутались в золоте
твоих волос и
стерегут мое сердце.
Смотри, небо стыдится своей
синевы. Приди ко мне,
светлая!
Я укурю тебя в своих поцелуях.
Небо и облака будут нашей
постелью.
Ласки твои, как лучи солнца.
Ты сама как само солнце.
Хочешь, я отнесу тебя далеко
– далеко, и в звездах будет
долина нашей любви. Возлюбленная моя! Что делать
мне с собой. Моя грудь полна
муки, уста пылают,
руки ищут тебя.

Возлюбленная моя! Где отыскать
мне тебя. Я хожу по улицам, я останавливаю машины, я спрашиваю
солнце, где ты.

Где ты, возлюбленная моя!
Твои глаза – мое счастье среди
леса моих грез твоих ресниц,
твои губы – как цветок весны моего сердца.

Меня спрашивают, что с тобой,
что ты ходишь, неся свою голову
над домами, куда делись твои щеки.

Я улыбаюсь, я смеюсь. Зачем им знать о тебе.
Разве они поймут, кто ты,
возлюбленная моя!

Воздух расступается перед
тобой, земля улыбается каждому
шагу твоей нецелованной ноги,
цветы вырастают на асфальте, и я по ним ищу тебя.

Лучи солнца греют эти буквы,
а я холоден и печален.

Твое облако обещание, как то облако,
помнишь?

Мелькнуло и пропало,
а я повис в призрачном небе
своих грез и не знаю, где
искать тебя.

Моя любовь к тебе необъятна,
у нее нет границ и нет сравнений,
но она вся в моем маленьком
сердце.

Приложи свою звездную руку,
смотри, как вырывается оно.

■

Милая, ты помнишь
поцелуи вчера.
Я только вчера понял, что
я целую первый раз
в жизни...
Я никогда не думал,
что может вернуть первый поцелуй.

■

Одно смущение наших поцелуев
сводит меня с ума. Твои
глаза совсем в моих
необъяснимое создание нашей
близости. Возлюбленная, если
бы ты видела в своих
глазах то, что вижу я,
ты не повернула бы даже
головы в мою сторону.
И я остался бы среди
холодных домов один, и
не вырвался из них, и не
носился бы, как делаю я
сейчас по небу, не успев
застегнуть пиджак.

■

Я готов говорить этим листам
о моем сердце все время.
Здесь что-то от разговора с тобой, словно
ты рядом, и я могу каждую секунду целовать
твои волосы.
Возлюбленная, я смотрю
на дверь, забыв обо
всем на свете, эти стрелки
раздирают мне грудь
своим движением.
Каждый шорох шагов
обрывает мое
сердце.

■

Если бы ты знала, что делается
сейчас с моим сердцем.
Я сижу уже три часа
над листом бумаги и ни
одной строчки...
Только дверь и часы.
Милая, зачем тебе нужно
мое истерзанное сердце.
Сейчас я поеду в Третьяковку,
и если тебя там нет,
я не знаю тогда, что мне
делать с собой...
Я буду ждать твоего звонка,
а часа в четыре вернусь обратно сюда.

Это тебе это вчерашнее,
а там сегодняшнее.

Асен.

■

Я просто разозлился на
милого Женю, и еще на тебя, что ты все
это видела...

Милая, я бы просто
запирал тебя в
доме, где был бы
сад за высокой
стеной с золотыми
яблонями. Чтобы
ты только видела их
и небо, и облака между
веток и цветов.

Я был бы прав, возлюбленная,
потому что именно такой
нам нужна жизнь.

■

Ты догадалась обо всем,
милая. Эти строчки,
может быть, тебе что-
нибудь скажут. Я
не люблю слова, но
раз ты не хочешь выйти из зала, прочти
их,
возлюбленная, и
скажи мне что-нибудь.

■

Возлюбленная! Зачем ты заставляешь
меня ненавидеть книги.

Я же все равно сейчас обнимаю
тебя, и мои поцелуи разогрели
собой даже солнце...

Как это невероятно, быть
в первых днях весны.

Я изнываю у твоих глаз,
каждый их взгляд уходит
в мое сердце, и я задыхаюсь.

Ты приложи свое сердце
к этим строкам – они только
для него...

Милая, что делать мне со
своими звездами.

Стихи разных лет

1965 – 2008

Н. М.

Когда ночью
летишь
над землей,
ее реки и города,
полные
мерцающих огней,
кажутся
чешуей животного.
Его дыхание
дарит облака,
а беспокойство
порождает
вспышки света.
Но поднимается солнце,
и все становится собой:
облака – облаками,

дороги – дорогами,
а земля –
маленьким комом,
вращающимся в космосе.
Может быть, юность –
ночь нашего разума,
а зрелость –
реальность...
Но кому это нужно?
Ведь то, что ушло
за горизонт,
было
так прекрасно.

Часто люди,
которых
ты встречаешь,
как сны.
Что-то очень близкое было рядом.
Стараешься вспомнить.
И как блики на воде,
так легко
все совершившееся
или
сейчас совершающееся проваливается
куда-то...
И только влага
в глазах
и боль
в груди
говорят о реальности прошедшего.

Желтые листья
на асфальте.
Машины наезжают
на них, -
и боль,
будто это
твои пальцы...
Но одинокие дома равнодушны,
хотя все лето
они жили вместе.
Стволы деревьев даже довольны:
теперь видно,
как красивы их ветви и сучья.
Черный воздух висит
у фонарей.
И человек чувствует, как холод
наполняет его тело.

В одиноком вагоне метро
кажется,
 что вся жизнь там,
вверху.
Грохот,
 лязг,
 и вдруг
 все кончилось.
Зашуршали деревья.
Слышны голоса людей.
Какой-то знакомый шум.
И опять туннель. Опять голова полна стуков...
Как часто так бывает: мгновение –
все решилось, и сразу же
 вопли,
 отчаяние,
 тоска.

Груз лет –
он у новорожденного
такой же,
как у старика.
Это не годы,
не месяцы, не жизнь.
Это время, которое надо прожить.
Время надежд и суеты,
время разочарований,
которое задано человеку
каждой клеточкой
его тела.
Как крест,
оно ложится на его плечи,
и никто не поможет его нести –
этот груз
 жизни.

На даче после дождя
с розеток белых цветов
слетают
тысячи
насекомых.

Сначала не веришь,
что они живые.
На асфальте
они замирают,
и только некоторые
подымаются вновь.
Эти доли секунды –
вся их прекрасная жизнь.

Кругом –
небо,
запахи,
пение птиц,

а их уже нет.
В тысячные доли секунды
они переживают
все то, что и человек
за свою жизнь.
Так и у художника.
Вся его жизнь –
это вспышка,
в которую надо
уместить
себя целиком.

Иногда вся вселенная

входит

в тебя.

Ты распрямляешься,

и облака на небе –

кажется, дунь, и их не будет.

И вдруг,

как невыносимая боль,

возникает нечто –

обида, забота,

печаль,

какое-то дело,

которое ты

не доделал...

И ты уже не человек,

а комок тоски

и презрения к самому себе.

ИЗ ДЕТСТВА...

Коридор.

И пирамидка кубиков

у стены – один на другой,

в четыре руки.

Рядом притолока.

Штукатурка выкрошилась у панели.

И мы накладываем пирамидку

все выше и выше.

Мимо проходят взрослые.

Потом вдруг вся башня качается.

Еще один кубик,

и ее середина вспухает – башня падает.

А мы стоим и смеемся.

Потом начинаем заново.

И так всю жизнь.

Вместо кубиков –
друзья,
мечты,
события,
разочарования.
Каждый раз столбик поднимается,
ломается
и падает. Обычно тихо,
 без всплеска.
Все как в картине!
Ты начинаешь,
 и все растет
с каждым мазком,
возникает нечто –
живое и твое.
Куски тела переходят
 в холст.

Ты замираешь.
Кажется,
 тебя уже нет.
Вот-вот все оживет,
и ты уже не нужен.
И вдруг
 мелкая мысль.
Как будто кто-то ворвался
в твою постель
и бьет тебя чем-то...
И все рассыпается –
краски,
 холст.
И нет ничего.
И ты готов кататься по полу
 от отчаяния
и тоски.

Дома как лица.
Их конструкция – череп,
а не мысли
и страсти.
Их отличие зависит от пропорций
и цвета.
Свет, как у людей,
возникает внутри,
и неважно –
плывут ли
облака.
Кругом шум и движение,
а дома
вбирают в себя людей,
 как пыль.
Люди питают дома,
как листва

питает животных.
Без людей
дома бы умерли,
исчезли,
как пропадает мысль
или надежда.

Черный туман лезет в окно.

Все исчезло.

Только глухие звуки

чего-то

рождаются

внизу.

Закрываешь глаза

и кажется,

что на тебя надвигается

потолок,

а ты, весь мокрый от страха,

ждешь,

что черный воздух

сейчас

раздавит

твое сердце,

и наступит желанное небытие.

ЗАЛЫ МУЗЕЯ

часто напоминают кладбище.

Сидят сторожа, стоят скамьи.

Потом смотришь на картины.

Еще проходит время.

И уже нет стен, нет сторожей,

нет картин –

возникает странное ощущение...

Что-то наполняет тебя.

Но это не воздух,

не водопад ощущений.

Что-то изменяется внутри.

Сначала незаметно.

Затем все больше и больше.

И остановиться уже нельзя.

Это не мысли,

не чувства –
нет, что-то очень важное,
связанное с тем,
 что ты есть сам по себе.
Но тут раздаётся голос экскурсовода,
и ты опять видишь рамы,
цвет стен,
людей,
и нечего не осталось в тебе.
Ничего,
 кроме какого-то сладостного
воспоминания.

СТРАННО,

но не все художники
пишут свои автопортреты.
Может быть, потому что внутри каждого
живет знание,
что лицо художника –
 это скрытая суть его искусства.
Лев Толстой – не надо читать
его романов и поучений,
чтобы все увидеть в его лице.
Бетховен...
 Стравинский...
Или бесконечные автопортреты Рембрандта...
Он что – исследовал черты своего лица
или хотел поведать о той какофонии чувств,
которые раздирали человека
 семнадцатого столетия...

Автопортрет художника –

это его искусство.

Это не его тело,

не его бытие.

И, наверное, художники Средневековья,

еще не заболевшие

своей тленностью,

правильно делали,

когда не подписывали

своих работ,

считая, что частицы души,

ушедшие с ними

из мастерской,

живая плоть,

которая ценна сама по себе.

Н.М. ■

Часто мысли ведут странную игру.

Одна мысль возникает,

как цветок,

другая –

как нарыв,

и еще сотни других.

И все они летят

друг за другом,

презирая себя.

Ты стоишь, шатаясь.

Все внутри разрывается.

Мысли, кажется,

вот-вот убьют твоё тело,

тебя.

Их движение с каждой секундой

становится все яростнее,

все жестче.

И ничто не может тебя спасти.

Но вдруг – глаза видят кошку,
переходящую дорогу.

Летят машины.

Ты бросаешься на шоссе.

Тормоза визжат,
а кошка исчезла.

Кто-то тебе кричит.

А ты стоишь
и улыбаешься.

Опять кругом дома,
пыльная зелень
и серые облака
над крышами.

Что отражает зеркало?

Наше лицо,
к которому мы никогда
не можем привыкнуть,
наше тело, одинаковое у всех...

Что мы видим в зеркале?

Наши страдания,
свои надежды,
нашу неуверенность...

Зачем мы заглядываем
в пустое стекло,
что ищем?

Себя
или отголоски того эха,
которое говорит,
что чуть было
ты не увидел свою душу.

Иногда невозможно остановиться.

Сомнения терзают глаза,

все распадается – и нет сил.

Так проходят дни,

годы.

А потом боль пронизывает тебя –

это время,

которое кричит откуда-то:

прощай,

я никогда не буду тем,

чем могло бы быть.

И тогда опять все чернеет,

и летишь в какую-то небыль со своими словами,

надеждами

и мечтами,

засохшими

около рта.

В черном воздухе белое солнце,

крутится листва на камнях, и человек в земле.

Кругом люди.

Слышен смех,

остатки слов.

Где-то раздаётся плач –

чей он?

Кто-то запел.

А глаза человека видят только воздух

с шорохами и тоской.

Руки хватают туман, только что бывший матерью

или другом.

Сердце исчезает.

Что-то надвигается на него, и никто не остановит это мгновение.

Нет даже черноты.

Он один, один –

и уже навсегда.

■

На запотевшем стекле потеки капель.

Каждая

спускается по-своему –
осторожно

или как получится.

Но дороги их почти одинаковы,

как наша каждодневность.

Мы страдаем,

мучаемся,

но результат один –

пятно воды на подоконнике

и похожая на всех

жизнь.

■

Мы летим

в оранжевом

туннеле,

и ветер

звенит

в стеклах,

а черные люди,

не мигая,

смотрят на деревья

и пьют

тишину.

■

■

Стоят теплые дни,
а все ждут
зимы.

Золото на земле,
а нужен
снег.

Солнце обнимает землю,
а людям кажется,
что все это
сон,
что всего этого
нет.

Новые дома
среди
рассеченной земли
с палками деревьев.
Старые люди
с пустыми
мыслями и мечтами.
И собаки,
голодные и одинокие,
бегающие
у картонных ящиков.

Повороты.

Углы.

Прямое движение.

И еще двери,

окна,

стены

и все внутри.

Выхода нет.

Толпы людей

бьются, застревают,

падают,

умирают

и снова рождаются.

Вся страна

в решетках.

Камеры –

по рангам.

Но правило

одно –

молчать,

не дышать,

не двигаться

и славить,

славить

тех,

кто это сделал.

В витринах
– жизнь,
а улицы
– мертвы.
В музеях
– жизнь,
А в домах
– одни манекены.
И так везде,
И так повсюду.

За все ненавидят,
но больше
за честность и правду.
За все убивают,
но больше
за гордость и совесть.
За все сжигают,
но больше
за доброту.

Н.М.

Кожа устает,
темнеют морщины,
как асфальт
под дождем,
и зеркало не выносит
боли глаз.

А солнце проваливается,
сердце ноет,
и каждый день
становится
подвигом.

Небо дышит облаками,
Ветер дышит листвой,
солнце качает траву,
дождь ласкает стволы
и солома

человеческих
желаний
путается
под ногами.

Звуки птиц,

Пустота.

Шум откуда-то.

Свет.

Листья и цветы.

Запахи.

И ожидание чего-то

простого,

ясного

и ненужного.

Шелестящие мысли

в пустых глазах.

И черные руки,

лежащие на горле.

Белая бедная

дорога,

и уходящие ввысь

облака.

И мечта

о свободе.

Облако
бликом
закрыло окно.

Ветер
распахнул двери.

Что-то
затрещало,
потом
вспыхнуло,
и белый гром
вместе
с дождем
смыл
все дома
и деревья.

Мозг стиснут железом.

Ложь высверливает
дырки.

Подлость растворяет
волосы.

Глаза превращаются

в уши,

уши –

в рот.

Все меняется и возникает

Новый человек.

Без языка.

Без глаз.

Без мозга.

С внутренностями,

открытыми

для всех.

Люди-тюбики.
Крема нет.
Только мерзость
лезет,
как Ниагара.
Люди-тюбики.
Стоят шеренгами,
готовые убить,
 распятъ,
оклеветать.
Люди-тюбики:
только железки –
и пустота.

Все умерло –
солнце,
 ветер,
 надежда,
 облака.
Мысли тоже умерли.
Тело разложилось.
Волосы выпали.
Только челюсти,
 называемые властью,
лязгая,
 носятся
 над землей.

Никогда ничего не было.
Никогда ничего
 не могло быть.
Никогда и ничего –
только надежда,
травинкой
 плывущая
 по грязному асфальту.

АБРАМЦЕВО

Длинноты.
Паузы.
Междометия.
Тишина.
Звуки.
Чистый воздух.
Сломанная ветка.
И зеленые облака.

Путешествие взглядов,
как ветер.
Колышется платье,
Раскрываются губы.
Но нет слов,
звуков.
Тишина...

Рядом река, а утки здесь –
дома,
лужи,
помойка...
Рядом счастье, а люди здесь –
тюрьма,
голод, издевательства...

МОЯ ЖИЗНЬ

Пятна солнца на листах бумаги.
Далекий шум улиц.
Черный снег.
Голубь, заглядывающий в окно.
Пустые слова,
звучащие в ушах.
И ненависть,
как божественный
цветок,
одуряющий всех
своим
запахом.

Ветер раздувает занавеску.
Медленно плывут облака.
Холодно.
Слезы в ресницах.
И пустые мысли –
ни о чем –
моют голову,
и слышно,
как скребутся волосы
о мозг.

УТРО

Шаги.
Шаги вокруг.
За стенами.
На потолке.
Внизу...
Разные –
громкие и мягкие.
Белый свет за окном.
Одинокий цветок в горшке.
И синее облако,
протискивающееся
сквозь рамы.

За окном силуэты – чего?
Предметов? Мыслей?..
Глаза не видят
 подробностей,
и мозг стучится
 о волосы,
как мотор.
Звуки набились
 в уши.
И над всем этим –
небо,
чистое,
 как отремонтированный
потолок.

■

ДЕНЬ

Гул движущихся лестниц,
Лампы, надвигающиеся
и уходящие.
Взгляды,
любопытные,
слепые,
ненавидящие.
И пустая платформа
внизу.

■

Грязь поднимается над землей.

Уже нет солнца,

нет неба,

нет домов,

деревьев,

птиц.

Только суетится еще что-то,

похожее на людей.

И по их телам

едут

черные

машины.

■

Молчащая пустота
глаз,
улицы,
грохочущие тишиной,
дома,
умирающие немотой,
гул,
звонящий в сердце,
и ты, ждущая
– чудес и света,
и ты, живущая
– ради них.

■

Плита задвигает небо.
Дома задыхаются.
Улица хрипит.
Деревья почернели.
Птицы исчезли.
И только рыжий котенок
сидит на земле.
Вот кто-то топнул
ногой,
и асфальт заблестел
под колесами.

ВЕЧЕР

Загораются огни.
Предметы выглядывают из углов.
Стук часов наполняет голову.
И шорохи говорят о жизни больше,
чем телевизор.
Там кто-то кричит,
прыгает, поет...
А глаза слушают тишину,
замершую
в стенах.

Шелест шин –
и мысль о дожде.
Тишина в черноте –
и мысль о сне.
Пустота неба –
и мысль о жизни.
Потерявшаяся звезда
– и мысль
о своем одиночестве.

■

Я не могу ничего понять.
Я не могу ничего принять.
Я не хочу ничего видеть.
Я не хочу ничего иметь.
Я просто хочу жить.

■

Зеленая ручка выводит буквы.
Покалывает сердце.
Гудит улица.
И тяжелая мысль
о бессмыслице всего,
что было,
 что есть
и может быть,
кажется светлой
 и радостной.

Постель подсовывается

под тебя

и своими ладонями

сжимает

твое тело,

а глаза

прижимаются

к потолку

и смотрят оттуда

в твои мысли,

грустные

и печальные...

И так всю ночь.

Солнце –

бритвой в глазах

Холодный ветер

обнимает голову.

И стук колес,

как сердце,

кричит о непогоде,

которая

царит

на земле.

Ряды лиц, плащей, пальто.
Глаза, как гвозди.
Руки неподвижны.
И только нервная зевота,
как у собак,
говорит
о скором расстреле.

Они сидят друг против друга,
ненавидящие взгляды
или равнодушные.
Изредка действия ребенка
привлекают их внимание.
Стучат колеса.
Жарко.
Я перестал читать газету.

■

Что может быть прекраснее –
лист дерева,
качающаяся травинка,
одуванчик,
летающая стрекоза.
Что может быть ужаснее –
сломанная ветка,
 убитая птица,
 униженный человек!

■

Движение.
 Остановка.
 Толчок.
Опять на месте.
Ничто не двигается.
 Ритм
умирающего
сердца..
И так для миллионов
 людей,
миллиардов надежд.

■

Пустыня,
а кругом дома,
люди, площади,
машины.
Молчание,
а кругом лозунги,
плакаты, крики,
демонстрации.
Пустота,
а кругом памятники,
 ордена, звания,
колонны.
И над всем этим слова,
 ничего
 не значащие.

■

Шорох бумаг, перьев, мыслей.
Люди, похожие на вшей.
Истуканы, сидящие в кабинетах.
На стенах –
указания,
 приказы,
портреты
 только что объявленных
святых.
И ни грамма –
 воздуха.

Они в фуражках, знаках.
Лиц нет.
Руки гладкие, немые,
но готовые –
на все.
Сердца нет.
Тела нет.
Мундир и сапоги.
И все испачкано чем-то
красным.

Заика
читает стихи,
урод
говорит о красоте,
безрукий
 учит мастерству,
безногий
 рассказывает о дороге,
бандит
 шепчет о честности,
палач
 плачет о справедливости,
и все это называется
гармонией бытия.

Камни слез
рушатся
на землю,
горы,
леса.

Все кричит
от боли
и радости.

Светит
черное солнце,
и птицы надежды
летают
над головами.

Все молчат – все боятся
боли,
страха,
голода,
тоски.

Все ненавидят
мир,
природу,
людей,
себя.

Все убивают
надежду,
мечту,
любовь,

и все ждут
счастья.

Так каждый день
стучат колеса
по синему
 дождю.

В глазах
 куски людей,
домов,
печали.

Внутри
 все голо
 и свежо,
и только
 серый свет,
и только
 шелест
 мыслей,
и бег деревьев за стеклом.

Тополь под ветром, как черемуха.
Желтые полосы дождя.
Облака растянулись
на сотни километров.
И сквозь них
синее небо
смотрит на землю,
полную расстрелянных обещаний.

■

Пустыня из людей,
городов
и одиночества.
Небо из крови,
нелепых надежд
и обещаний.
Земля из огня,
ненависти
и злобы.
И пыль,
хранящая
все это.

■

День
без теней.
Люди
без глаз.
Жизнь,
которой
нет.
И только звуки –
капель,
шагов,
шорох часов.

Кусками жира
 виснут лица,
и подлость –
уши и глаза,
и мерзость –
в платье,
а за прическами –
 подвал,
в котором все найдешь.
Но нет добра,
нет слов,
нет жалости,
нет человека.

Она
вся в коже.
Бриллианты.
Глаза
поджаты.
Губы – щель.
И сумка,
 как сундук.
И волосы,
 как пакля.
Лицо
 – громадный блин.
А поза –
 памятник всей мерзости,
в которой
 мы живем.

Счастье мига

– говорят они.

Счастье быть хоть как-нибудь

– учат они.

Счастье верить им,

- пугают они.

Счастье быть рабом

– пишут они на стенах.

Счастье быть несчастным

– и это звучит

как истина.

Огни гаснут –

один,

десять,

пять –

как воспоминания.

Силуэты домов

еще стоят.

Еще глаза смотрят,

слышат звуки,

но мысли уже исчезли,

а серая тьма

уже наполняет

все тело.

Осенняя тоска,
как сонная дорога.

И листья
в грязь.

И дождь
в слезах.

И что-то есть,
но удержать
немного

нельзя –
уходит все
сквозь пальцы,
как вода.

Средь зелени
печальный снег
лежит,
как листья дерева,
растущего
на небе.

Оно тоскует
и цветет,
и пятнами листвы
укроет
скоро
землю.

Земля необитаема –
колышатся
 призраки городов.
Люди –
 как звуки дождя.
Что-то проносится
рядом.
Самолет?
 Птица?
Крикнешь,
 и эхо
 в ответ.
Пустая планета
 с населением
 в пять миллиардов.

Мечтою – облако.
Полнеба
 в клубах пепла.
Прохладой тянет,
и глаза горят.
И вдруг
 пук рельсов,
и розовый туман.
И все остановилось,
и дождь пошел,
И снова нож тоски
тиранит сердце.

Холодный воздух съедает деревья,
кусты,
остатки домов.

Облака
двигутся
по улицам.

Машины – слепы.
И только мертвый человек
с протянутой рукой
молча стоит
над раздавленным
проходим.

Белые слова,
фразы,
как липкая грязь,
заливают улицы,
дома,
душат людей,
губят зелень...

Кто-то произносит их,
усиливает,
сочиняет.
И никто,
никогда
не остановит
этот водопад.

Разве можно молчать,
разве можно слепнуть,
разве можно умирать,
когда подлость стала
воздухом,
а ложь – землей,
ненависть –
 разговором,
а смерть – жизнь...

Н.М.

Человечество – какое оно?
Та низость,
которая несется
 из динамиков.
Та подлость,
которой полны
 газеты и книги.
Та глупость,
которая называется
государством.
Или оно – травинка,
выросшая
случайно
на асфальте.

■

Чем можно себя унять –
разочарованием,
 пустотой дел
или отрицанием?
Чем можно себя спасти –
любовью,
 надеждой,
 мечтами
или уже только небытием?

■

Падение – возвышение.
Снова вниз
и чуть вверх.
Кругом слова,
 лозунги,
транспаранты,
крики,
призывы
 и зеленые слезы
раздавленных людей.

■

В России любят
только мертвых.

В России любят
только робких.

В России любят
только сытых.

В России
никого не любят.

ИДЕЯ ПРОСТРАНСТВА

■

– почти абстрактна.

Это абстракция, живущая внутри нас.

Поля,
улицы,
комнаты с мебелью –
пространство нашего бытия,
но не существования.

Идея пространства –
это наша боязнь
перемещений,
новых встреч,
неожиданностей.

Враждебность, неизвестность сжимает наше сердце,
даже когда мы выходим из дома.

Мы, как ракета

без карты звездного неба.
Но напряжение,
сжигающее наше существование,
наполняет его каким-то особенным смыслом.
Пространство зовет нас –
к борьбе,
к необходимости выжить,
к тому, что вокруг тебя жизнь,
полная угроз,
но и надежд.

ИДЕЯ ПЛОСКОСТИ

– это желание управлять
своей судьбой или судьбой мира.
Это когда все кажется простым,
как буквы на бумаге.
У нас нет теней, нет объема.
Это как чертеж –
без криков,
мук
и улыбок.
Подчиненность,
распластанность,
неподвижность –
и понимаешь людей
и обстоятельства жизни,
как детали какой-нибудь детской игры.

Идея плоскости очень удобна и практична,
но даже копая землю,
нельзя быть уверенным
в сроках и удаче работы.
А если это человеческая жизнь?
С ее необъяснимыми поворотами и тоской,
когда самые простые вещи
кажутся неразрешимыми
проблемами.
Идея плоскости – идея антижизни,
античеловечности,
какой бы она сначала ни казалось.

ИДЕЯ ОБЪЕМА

– идея полноты нашей жизни,
то, чем и как мы ее наполняем,
как кузов грузовика, -
мебелью,
мешками с песком,
тряпками,
цветами.
Ведь мы странники,
хотя часто живем на одном месте.
Путники,
путешествующие во времени
в своих мыслях и чувствах.
И, как изгнанники,
должны нести с собой,
в себе,
на своих плечах –

все, что нам дорого и горько,
что печалит нас или радует.
И этот груз,
часто разрывающий наше сердце,
и есть полнота объема нашей жизни,
нашей потревоженной обстоятельствами
души.

– это мир,
который обрушивается на тебя,
или твои чудовищные мысли,
приковывающие тебя
к постели,
или ливень,
поражающий своей нетерпимостью,
или солнце,
облившее тебя своим теплом.
Что такое вертикаль?
Может быть, это ты,
гордый и печальный.
Может быть, это твое упрямство,
твоя воля.
Или это стебель,

поднявший цветок к небу,
как твое лицо,
которое ты подставляешь
своей жгучей
мечте.

ИДЕЯ ГОРИЗОНТАЛЕЙ

– может быть сном
или путешествием по ночам,
когда в предрассветной бессоннице
паришь над домами
или проникаешь сквозь стены.
Горизонтами,
как мягкие спицы,
пронзают твое тело,
принося ему успокоение
и уверенность в земле,
которая никогда не исчезнет, как никогда не исчезнем и мы,
потому что верим
в вечность горизонта
и в звуки голосов
в пустоте немых полей.

ИДЕЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОСТИ

– это твое соответствие
тому, что ты сам придумал,
или тому, что тебе навязывают другие.
Ты – как все,
и все – как ты:
нарушение для параллели невысказано.
Те, кто этого не понимают,
не могут существовать.
Твое сердце,
твой ум
выискивают в природе,
в истории идеи параллельности.
Ты готов принять,
что одинаковость – условие жизни.
И вот в тот день,

когда это становится для тебя
бетонной истиной,
ты вдруг понимаешь,
что весь мир
действительно параллелен,
но не теми параллелями,
которые воспринял
твой мозг,
а своими собственными параллелями,
существующими
вне зависимости
от других.

ИДЕЯ КРУГА

– почти как бессонница,
с одинаковыми событиями
и страданиями.
Или как мишень,
когда человек видит в себе
и начало и конец
своей путаницы.
Что это – головная боль
с железным обручем вокруг волос,
или просто наша жизнь
с утром,
днем,
ночью,
весной и обязательно зимой.
Что такое круг в нас –

одинаковость и успокоенность,
или это то,
что нужно разорвать,
опрокинуть
и выйти туда,
где мы можем встретить
таких же покинувших
свой проклятый
круг.

ИДЕЯ ДИАГОНАЛЕЙ

– это движение.
Все равно куда.
Это отрицание
покоя и равнодушия.
Это несогласие,
спокойное и упрямое.
Это вечные поиски
все равно чего.
Диагональ –
это против всего.
Это вечная попытка человека
понять себя
и мир,
которым он окружен.
Это счастливый возраст

всех раздражающей юности,
когда ничто не берется на веру,
все отрицается,
и жизнь кажется
бесконечно прекрасной
дорогой,
которая
никогда не сможет
оборваться.

ИДЕЯ ПУСТОТЫ

– это пропасть внутри нас.

Иногда ее ощущение становится таким реальным,
что боишься пошевелиться.

Иногда оболочка тела ляжет у ног,
а твоя пустота своей тяжестью пробьет пол,

землю

и выйдет где-то с другой стороны Земли.

Пустота безмерна.

У нее нет формы,

нет границ.

Она часто охватывает все наше существо,

и может стать так невыносимой,

что лучше умереть,

чем жить.

И ничто не поможет –

ни работа, ни любовь.

Все нелепо в сравнении с пустотой.

Это как открытие бессмысленности

существования человека.

Это ощущение себя пылинкой на траве.

Это правда человеческой жизни,

как твоей жизни.

Но ведь ты не одни.

Миллиарды подобных тебе несчастий

вместе уже преодолевают эту пустоту,

как пылинки, соединяясь,

образуют камень.

Это малоутешительно,

НО ЭТИМ

живет человечество.

ИДЕЯ КВАДРАТА

– это идея власти
с равными углами
дозволенности и недозволенности,
с верой, что квадрат –
идеальная форма существования для всех.
Ибо сама власть находится в центре,
а мы – у стен.
Это ортодоксальность
и смерть мысли.
Никакие чувства
не могут существовать
в квадрате:
они нарушают его симметрию.
Никто не должен любить,
надеяться,

ибо все это уже предусмотрено квадратом:
и все знания,
и все истины,
и все возможные чувства.
И потому уничтожение квадрата –
это единственный путь людей
к себе,
к своей неповторимой
сущности.

ИДЕЯ ШАРА

– это полнота нашей жизни,
в которой всегда
чего-то
не хватает.
Ободранную оболочку шара
мы всегда лихорадочно латаем
и никогда не успеваем
починить.
Водопад новых неприятностей,
криков
и боли
врывается в наш мир.
И так всю жизнь.

Даже считая последние минуты
своего пребывания на земле,
мы будем заделывать щели,
в которые станут рваться
наши несбывшиеся надежды,
яростные глупости
и жалкие оправдания.
И шар исчезнет вместе с нами,
оставив
печальное ощущение
никчемности
человеческой
жизни.

ИДЕЯ ТРЕУГОЛЬНИКА

– идея нашей суеты,
когда события и вещи каждодневного бытия
становятся важнейшими.
Глаза не успевают следить за стрелкой часов,
а все,
что было только что сделано,
тут же исчезает.
И так каждый день,
каждый год,
всю жизнь
мы,
как насекомые,
летаем по стенам нашего треугольника,
бьемся о них.
Дети, работа, дом –

и нет дверей и окон:
одни обязанности,
одни нелепости...
Хотя стоит поднять голову,
и синие облака, розовое солнце
и где-то поющее море
заполнят твое сердце.
Стоит только поднять голову,
а затем слегка подняться на цыпочки,
и не будет стен,
не будет суеты –
будет жизнь человека.

ИДЕЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

– как волны тумана,
то розового, то серого,
которые охватывают нас,
пеленают,
бинтуют.
Мы задыхаемся,
стонем,
не можем двигаться.
Слова не проходят сквозь губы.
Глаза молчат.
И только горькие или сладкие слезы
текут по нашим рукам.
И проклинаешь тот день,
когда увидел,
понял

или захотел чего-то.

Идея неопределенности –

это идея возможного в невозможном,
желанного в мечтаемом.

Это удивительное состояние человеческого духа,
когда может произойти извержение
самых прекрасных мыслей и чувств
и самых яростных действий,
смысл которых и результат
будет преследовать тебя
всю жизнь.

ИДЕЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

– это идея творчества.

Пересечения – это восстание
против остановок,
против вечных истин,
против самого творчества.
Надо всегда по-новому увидеть, понять,
потому что творчество –
это жизнь,
это бесконечное изменение,
это умирание
и тут же рождение,
это бесконечные противоречия
и правда сегодняшнего дня,
которая станет новой правдой завтра.
Идея пересечения –

это идея жизни.

Бурлящей.

Обжигающей.

Нетерпимой.

Страстной.

Идея существования вулкана
внутри каждого человека,
не знающего,
какой взрыв
и какой сгусток лавы
он выбросит
и выльет
на прекрасные творения своих предшественников.

ИДЕЯ ДВИЖЕНИЯ

– это движение мыслей, чувств.

Можно двигаться,

не думая,

не любя,

но движение,

как перемещение в пространстве, -

не движение.

Движение

– это вечный спор,

непрерывный диалог

с самим собой,

диалог,

в котором тело спорит с сердцем,

а глаза – с чувствами.

В этом мире своих комплексов

и разочарований

живет живой человек,

и, наверное, когда душа покинет тело,

он будет продолжать спорить

и двигаться

по этой бесконечной дороге

своих недоумений

и открытий.

БЕЗУМНЫЙ МИР ЛЮДЕЙ,

 строящих
и для этого разрушающих,
и опять разрушающих для того,
чтобы сделать нечто иное,
но почти такое же, как было.
Так вся планета
становится детской песочницей,
где беспрерывно возникают и разрушаются
города,
 заводы,
 ракеты,
и все быстрее и быстрее,
все сложнее и неудобнее.
И в этой игре со своими песочными
изобретениями

люди превратили реки в трубы,
океан в болото,
 небо в асфальт,
а себя в ничто,
 состоящее из тщеславия,
ненависти,
 властолюбия
и жестокого
 самоунижения.

Голоса,
вкрадчивые,
любезные,
открытые,
равнодушные...
Привыкнуть к ним нельзя.
Невозможно не слышать.
Фразы,
длинные и короткие,
пустые и значительные...
Кто их произносит –
люди?
автоматы?
звери?..

Груды тел.
Еще вздохи,
слова,
крики.
Кто-то пытается
пробраться вперед.
Злоба.
Ненависть.
Еще горят огни.
А у кого-то в сумке
скулит
цыпленок.

Помилуй нас, Господи!

Помилуй

близких мне людей,

помилуй

нашу глупость,

нашу наивность,

нашу доброту,

помилуй

нашу веру

в лучшее!

Помилуй нас,

и ты помилуешь

самого себя.

Н.М.

Небо,

как сердце любимой,

и полоса в нем,

как след о тебе,

но это самолет –

он,

полный красоты

и смерти.

■

Спящие,
сопящие,
шелестящие...
А рядом – небо,
горы,
мельканье птиц...
Рот открыт,
и только отблески солнца
сверкают в синеве.

■

ПЕРЕХОД

Поднимаясь,
ты видишь
животы и ботинки.
Иногда бренчащая грудь
превращается в голову,
полную волос
и зубов.
Ветер
разрывает
сумки
и мысли.

УЛИЦА

Свет, заливающий все –
мусор,
грязь,
крики
и движение тел.
Жара.
Белый воздух.
Страх
и жестокость.
И желтая бабочка.

Падают люди,
взлетают деревья,
где-то на облаках
висят провода.
Мир взбесился – все летит,
и только человек
с протянутой рукой
стоит
неподвижно
в пустоте.

Белые лица.

Розовые
волосы.

Желтые
глаза.

Сонные
вскрики.

И мертвые слова

из черных

губ,

как белые

камни,

рухнувшие

на твое

сердце.

Синие тени,
переплетаясь,
остаются

за окном.

Летят мысли,

как трава,

как деревья,

исчезают мечты,

и сама жизнь,

как гравий,

струится

между шпал.

■

■

МЕТРО

Потные лица.
«Вы мне сделали больно!»
Гул туннеля.
Разговоры.
«Какая я тебе старуха!»
Голос в репродукторе.
«Негодяй, идиот, подлец!»
Мягко шлепают двери.
Руки
подбирают
капли пота
с лица.

Все совпадает:
цементное небо,
каменные люди,
мертвые дома,
черные лозунги
и вместо воздуха –
трупный запах.

Золотой лес.
Гаснет солнце.
Трава режет
ржавые листья.
Дороги нет.
Только черные тени
людей
робко тянутся
 к стволам.
Сухо.
И грусть,
 как плита,
висит на глазах.

Каждый живет в одиночку.
Может, подарит ему взгляд,
 жест
другой такой же,
 как он.
Камнями ходят люди,
и нет для них неба,
солнца,
 мысли,
 любви –
только боль,
боль,
боль...

■

Я держу свой мозг –
он не хочет,
он устал
от разочарований,
пустоты.
Я говорю: «Подожди!» -
он не верит,
он не может,
и он прав.

■

Горит свет в немых кварталах.
За стеклами – тени.
Телевизоры мигают.
Чернилами забрызганы деревья
и птицы
 под облаками.
А сверху,
 бесшумно
 сверкая,
 летит
 белая
бомба.

ПРОШЛОЕ

– оно возвращается к нам.

Иногда образами людей.

Иногда болью событий.

Иногда тревогой о том,

что надо было сказать,

или сделать совсем не то,

о чем было сказано.

Листья,

лица,

деревья,

мчащаяся машина,

бесконечный дождь

за окном,

или бескрайние леса,

покрытые снегом,

черные реки –

и мы,

с нашим отчаянием,

надеждой

и пустой сказкой.

Я ДУМАЮ О СЕБЕ РАЗНОЕ,

И поэтому

я поднимаюсь,

падаю,

снова поднимаюсь,

но иду

туда,

где я должен быть.

и мысли часто становятся

похожими

на танец,

где вместо партнеров –

я.

То один,

то другой.

И найти, кто же я,

становится невозможно.

Однако я должен жить.

Должен оправдать свое право жить

и что-то делать.

Ведь конец –

это награда

за нечто.

РОДИНА

– она дала тебе жизнь.

Иногда думаешь –

зачем?

Ведь люди,

которые родились с тобой или до тебя, -

все враги,

а государство делает все,

чтобы тебя уничтожить.

Что же остается?

Леса,

небо,

времена года.

Но они на всем земном шаре схожи.

Так что же такое Родина...

Что это?

Животная привязанность

к месту рождения,

или какая-то непонятная связь

между тобой

и теми желанными слезами

и истерзанным сердцем,

которые дарит тебе

твоя Родина?..

ПОЕЗД, КОТОРЫЙ ВЕЧНО ИДЕТ,

несколько остановок.

Потом выясняется,
что здесь есть и наши родители,
и дети, и друзья,
и враги.

Потом...
Когда начинает приближаться
наша остановка.

как жизнь.

Мы входим в вагон на случайной остановке.

Говорят,

слушают,

ходят

какие-то люди.

Потом кто-то плачет.

Кто-то смеется.

Кто-то смотрит в окно.

Кричит что-то.

Остановка –

кто-то выходит.

Навсегда.

Кто-то входит,

чтобы побыть с нами

ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ

– ведь даже засыпая,
мы продолжаем ходить,
страдать,
переживать.
Наше неподвижное тело вздрагивает,
прыгает,
бежит,
падает,
и мы всхлипываем от радости.
Мы действуем,
потому что мы живем.
Мы живем,
потому что реагируем,
желаем,
хотим.

Даже ненависть хороша,
потому что говорит
о жизни.
Говорит о наших буднях
с их бестолочью
и печальями,
со скукой и беготней,
со всей несуразностью,
которая называется
нашей жизнью.

– что это?

Созерцание

или такая же реальность,
как хлеб?

Почему искусство вечно,
как земля,

небо, океаны?

Может быть,

потому что оно такое же?

Тело человека тленно,

а дух вечен.

Искусство –

вечный дух человека.

Дух

не его деяний,

не его образа,
а жизнь самого духа –
не мыслей

или чувств.

И художник ищет наполнить его
тем языком,

которым говорит

этот дух,

ласкает его,

гладит,

усмиряет,

и тогда

рождается искусство.

ТЕЛЕВИЗОР

– что-то говорит,
шевелится,
мелькает.
Иногда можно узнать
дерево, лицо,
потом какой-то шум –
вздрагиваешь,
сердце сжимается:
вот-вот ты исчезнешь.
Затем возникает нечто близкое
и слеза у ресниц,
Ты вглядываешься
– и видишь себя,
свою жизнь,
свою печаль...

И вдруг снова
какие-то обрывки
слов,
звуков.
А мысль уже там,
где ты только что увидел
свою судьбу.

УЛИЦА

– она, как битва.
Кругом копя,
пулеметы,
пики.
В тебя стреляют,
бьют.
Ты ползешь.
Туннель.
Метро.
Тело расплющивается.
Крики.
Вздохи.
И вновь улица.
И провода,
и нет лиц

– только камни,
тела чего-то,
и каменный воздух
заполняет
легкие.

ЦВЕТЫ

– распускаются и растут,
не думая о себе.
Они – цветы.
Они прекрасны не потому, что красивы,
а по своей правде
появления на земле.
Они больше, чем религия, книги, притчи,
говорят о том,
каким должен быть мир,
как должен жить человек,
что безответность добра,
жизнь,
отданная другим,
счастье и радость,
приносимые миру, -

это дар цветов.
И может быть, когда-нибудь
цветы заполнят все тело человека,
его сердце, дом,
улицы,
по которым он ходит,
небо,
по которому он летает,
океаны,
по которым плавает,
и везде будет добро.

ЛАМПА,

которая не светит
– не потому что нет огня,
нет энергии.
Ей стало все равно.
Она забыла,
зачем она появилась
и что должна делать.
Черный свет от нее убивает
деревья,
 траву, птиц.
Попадающий под него человек
тут же искривляется,
 падает,
пробует ползти.
Лампа

– это мозг человека,
отказавшийся творить,
 думать,
 надеяться.
Мозг,
заставивший себя
затвердить одно:
все тлен.

ЧАСЫ

– что они показывают:
бег времени
или расстояния
между нашими обязательствами:
где-то быть,
что-то делать.
Часы идут бесшумно,
хотя жизнь полна взрывов,
воплей.
Движение секунд сливается с часами.
Скорость их неуловима.
Даже если они останавливаются,
что-то внутри нас
продолжает их бег,
еще более безжалостный

и страшный.
И мы знаем,
что так будет всегда.
Даже умирать мы будем,
чувствуя их скорость.
Стрелки,
цифры,
годы,
люди, события –
все летит,
все лепится в какой-то гигантский ком,
разрывающий наше сердце
от бессилия
остановить
наши часы.

ЧЕЛОВЕК,

если его воспринимать физически,

- скелет, мышцы, кожа –

биоробот,

придуманный к тому же

скучающим богом.

Если его видеть во времени, -

как он растет,

становится взрослым,

старым

и как умирает, -

легко сравнить с деревом

или травой.

Бог здесь тоже себя не утруждал.

Как человек чувствует,

как думает,

как он поступает

и что он делает –

все это говорит

о страшном мире его души.

Но видя прекрасные статуи и картины,

слушая великую музыку,

смотря,

как отрываются от планеты

ракеты,

мы знаем, что человек –

это нечто совсем иное,

чем просто мускулы,

чувства,

действия

того,

кого мы привыкли называть

человеком.

КВАРТИРА

– почти как наша судьба.
Открываешь ящик
и бываешь потрясен вещами,
которые в немыслимом беспорядке
наполняют его.
Ты стоишь в растерянности
и вдруг понимаешь,
что это – твоя жизнь.
Не внешняя –
с умыванием и глажением платья,
а та,
которая бурлит внутри тебя.
Так и квартира –
стулья,
которые стоят не так,

как тебе хочется,
занавески,
которые перемещаются,
кажется, по своей воле,
и вездесущая пыль,
которая говорит о времени,
уходящем за окнами,
о пролетевшем лете
или зиме
и о твоих часах.

ОЖИДАНИЕ,

как необъяснимый предмет,
внезапно оживший внутри тебя.
Пропадают стены,
лица,
облака.
Тоска начинает разрывать
твое тело.
Как живое существо,
ожидание заменяет в тебе кровь,
воздух,
надежды.
Только нетерпение.
Только смертельная
неуверенность.
Только вспышки надежды,

которые тут же
превращаются в пустоту.
И тебя уже нет,
как снега на ладони, -
и тогда вдруг ты понимаешь,
что ожидание
всегда было смыслом
твоей жизни.

Н. М.

Кто судит людей?

Бог, люди, судьи?

Кто скажет человеку,

что он неправ,

или то, что он сделал,

истинно?

Кто способен это произнести?

Ведь тщетность людских страстей преступна,

а бог равнодушен ко всему.

Так кто же судья?

История, которая наступает после того,

как все произошло.

Справедливость,

которую рождает наша вера.

Или мы сами, с нашими весами внутри нас,

с трагической мучительностью

измеряющие себя,

свои мысли и помыслы,

свои надежды и желания.

Кто?..

Или тот прохладный ветер,

который вдруг

дохнет на тебя

правдой,

и ты увидишь сразу планету,

всех живых и будущих людей

и время,

великое время,

одно, говорящее людям

истину.

Снег тает,
и пятно влаги остается
 вместо
 ледяных сугробов.
Стены комнаты
 рушатся,
и холод
 сбрасывает тебя
с постели.
Небо,
казавшееся таким родным, превращается в смертельный ад.
Жизнь,
 которая была ровной и простой,
внезапно становится
 пропастью.
Человек,
 которому ты безгранично верил,

стреляет в тебя.
Что такое справедливость?
Равновесие обстоятельств по отношению к тому,
что внутри тебя,
или наоборот –
 твое отношение к обстоятельствам.
Есть ли она,
может ли она быть, если жизнь делается людьми,
понимающими справедливость
 только в расчете на себя.
Поэтому везде полно несчастных и опустошенных,
и даже тираны плачут по ночам, что их не оценили.
Хотя все так просто –
справедливость есть только добро,
которого,
 к сожалению,
 никогда не будет у людей.

СУДЬБА

Солнце лежит у ног,
воздух легко входит в тебя,
и глаза смотрят на мир с надеждой и любовью.
Весь день, год, жизнь перед тобой,
как географическая карта.
Но проходит час,
месяц, жизнь,
и нет карты, даже ее клочков.
Ты вспоминаешь обстоятельства,
ситуации,
людей.
Ты говоришь, что так не надо было делать,
поступать.
Ты видишь все ошибки.
Напрасно.

Что ты мог сделать?
Изменить какие-то оттенки своих несчастий?
Потому что все это было predetermined.
И звезды,
под которыми ты родился,
и родина,
которая дала тебе свободу
глумиться над тобой,
и общество,
которое уничтожило тебя,
и государство,
которому ты никогда не был нужен, -
увы, это твоя судьба,
человек.

Уже при рождении власть выглядела как топор.

Она не имела зрения,

сердца,

желудка.

У нее были только мускулы.

Она не слушала,

не понимала,

не верила,

не любила,

но – была.

Ее силу чувствовали все.

Она была способна убить,

унизить,

сломить,

уничтожить.

Она заполняла камнями легкие,

говоря,

что это воздух.

Она кровь заменяла грязью.

Она отнимала глаза,

утверждая,

что они не нужны.

Владеть такой властью хотели многие,

рожденные без сердца и любви.

И власть пользовалась этим умело.

Ведь она считала себя

великим благом –

не для людей, естественно,

а только для самой себя.

Ты еще не родился,
а он уже ждет.
Он дежурит у твоих первых поцелуев,
Он ни на секунду не покидает тебя.
Он в тебе,
и ты
ничего не можешь
с ним сделать.
Он знает заранее
о каждом твоём движении,
мысли,
надежде
или тоске.
Его решения всегда жестоки и смертельны.
Ты живешь с его ненавистью

и безразличием
к твоим чувствам и желаниям.
Он ниспослан тебе кем-то
не для помощи,
а для своего руководства.
И даже умирая,
ты будешь чувствовать,
как он отключает в тебе
руки,
ноги,
тело,
сердце,
мозг,
как хозяин, которому все надоело,
потому что он
– рок.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Страшные слова разрывают твоё сердце,
тело,
ноги,
руки.

Все в тебе не хочет их слышать,
а твой голос гремит.

Ты стекленеешь в черноте, а рядом

полюхает

близкий тебе человек.

Зачем все это?

Или немота ночи

нарочно убирает из тебя

все дурное, все нелепое,

что принес тебе

твой пустой день.

Нет разницы между веками –

ведь столетия, как горы.

Они даже после землетрясений остаются горами.

А человек?

Ведь не горы придумали эти измерения:

месяц, год, век.

Смотрите, говорят часы, как меняются люди, –

другие дома, мебель, картины...

Эти иллюзии заполняют страницы учебников,

тома книг.

Иллюзии – потому что человек остается тем же

жестоким и безрассудным,

со всем привычным набором желаний и потребностей,

способный главенствовать и приспособливаться.

Но есть и другие люди,

высоко понимающие

свои человеческие обязанности.

Вот так и продолжается
из века в век:
те,
которые пришли в мир,
чтобы утвердить
свою жестокость,
и те,
которые мешают им
это сделать.

ПРЫЖОК

Каждый день, разбегаясь,
мы видим, как под ногами
плывут дома,
знакомые люди,
наши обещания.
Главное для нас –
взлететь.
Главное –
оторваться.
Но от чего –
от себя?
Ведь твое отчаяние никуда не исчезает.
Хотя когда наступит день, и тебе не захочется
увидеть мир из облаков, – ты сразу почувствуешь,
что твои часы вот-вот остановятся.

Н. М.

ФИЛОСОФ

Наверное, самое лучшее
видеть землю –
маленькой ягодой,
людей –
скопищем слов,
чувств,
желаний.
Наверное, самое смешное
спрашивать себя,
а зачем все это?
Зачем несутся машины,
работают люди,
появляются дети,
зачем музыка,
живопись...

Но когда спрашиваешь себя,
зачем страсти
разрывают сердца людей,
приходит мысль,
что жизнь прекрасна,
невероятно хороша
именно своей чудовищной нелепостью
и жестокостью.

Элия Белютина не стало 26 февраля 2012.
Прощание с художником состоялось 1 марта 2012.
Светлой памяти великого Мастера.

Составитель
ЭЛИЙ БЕЛЮТИН

Редакторы
НИНА МОЛЕВА
НАТАЛИЯ ВОРОНОВА

Художественное оформление, макет и обложка
СВЯТОСЛАВ ПЛЮЩ

Подписано в печать 22. 05. 2012. Формат 50 x 70 / 6
Печать офсетная. Печ. л. 21. Гарнитура TornadoСyr.
Отпечатано в московской типографии «ГАРТ»
Тираж 100 экз. Заказ № 2955